

Лекция 19. К «Общему рынку» и «государству всеобщего благоденствия»

13.05.2020 г. – лекции (4-6 группы).

15.05.2020 г. – лекции (1-3 группы).

1. Европейская интеграция.
2. «Государство благоденствия». Мир потребителей. Новый взгляд на права человека.
3. Массовые движения: экологическое, феминистское, молодежное, антивоенное.
4. НТР: транспортная революция, новый уровень энерговооруженности общества, ядерная энергетика, прорыв в космос, компьютер, информационные сети и электронные носители информации.
5. Технократизм и иррационализм в общественном сознании XX в.

Государство всеобщего благоденствия 1945–1979 гг

С окончанием войны в Европе страна вернулась к нормальной политической жизни. Коалиционное правительство Черчилля было распущено, и уже 5 июля, несмотря на то что на Дальнем Востоке еще продолжались бои, прошли всеобщие выборы. Казалось, с 1935 г. народ истосковался по демократии и просто не мог больше терпеть. Предвыборная кампания вынесла на поверхность долго сдерживаемое напряжение, которое вызывало военное положение, и желание чего-то нового. Бывшие партнеры по коалиции вдруг вспомнили о взаимной антипатии. Черчилль, говоря о социалистических предложениях лейбористов, назвал их «гестаповскими». Лейборист Эньюрин Бивен признавался в своей «глубокой, обжигающей ненависти к партии тори... С моей точки зрения, они хуже гадов». Результатом стала первая в истории полная победа Лейбористской партии – 393 места в парламенте. Либералы были просто уничтожены, получив всего 12 мест. Черчилль был раздавлен провалом. Как и его предку герцогу Мальборо, ему довелось узнать, что успех в войне редко вызывает благодарность у английского народа. После триумфа победы его без церемоний отодвинули в сторону.

Новое правительство переполняли оптимизм и эйфория. Кабинет возглавил лидер коалиции лейбористов Клемент Эттли, человек крайне скромный и непритязательный, у которого, как едко заметил Черчилль, «для скромности есть все основания». Эттли ездил с женой в маленьком автомобиле, не пользуясь услугами шофера, приходил на заседания парламента пешком, а оттуда шел через парк в свой клуб на ланч. Эттли просто идеально подходил на роль капитана своенравной, недружной команды, которая запросто могла направить общий корабль полным ходом на скалы. В команду входили и прямолинейный профсоюзный лидер Эрнест Бевин, возглавлявший Министерство иностранных дел, и горячий и вспыльчивый Эньюрин Бивен, министр здравоохранения, и Герберт Моррисон на посту заместителя премьер-министра. Хотя многие из них во время войны уже работали вместе в коалиционном правительстве, друзьями они точно не были. Услышав, что Моррисона называли «злейшим врагом самому себе», Бевин возразил: «Нет, пока я дышу, его злейший враг я, а не он!»

Лейбористы пытались сохранить то настроение чрезвычайного положения, которое сплотило нацию во время войны, утверждая, что централизованное управление экономикой, которое было введено во время войны, должно сохраняться и далее, «чтобы добиться мира». Государственный контроль распространялся на все аспекты экономики и жизни общества – и он был гораздо строже, чем даже во времена Первой мировой войны. Лейбористы использовали госконтроль в стремлении ввести в стране некий утопический социализм. Уже в самые мрачные дни 1942 г. в докладе Бевериджа была предложена идея нового государства всеобщего благоденствия, государства, которое берет ответственность за каждого гражданина «от колыбели до могилы». В «белой книге» в 1944 г. также

указывалось, что в будущем поддержание высокого и стабильного уровня всеобщей занятости, обеспеченного плановой экономикой, будет первоочередной заботой правительства. Закон Батлера об образовании от 1944 г. сделал все школы в стране государственными. Принимая на вооружение самые современные идеи педагогики, закон вводил общенациональные тесты в возрасте одиннадцати лет, по результатам которых детей распределяли по соответствующим классам в один из трех типов школ: классическую гимназию, техническое училище или государственную среднюю школу. Эти меры, следует отметить, были продуктом не социализма, а консервативного правительства под руководством Черчилля.

В 1946 г. был принят закон о государственном страховании, в котором нашли отражение почти все предложения Бевериджа, включая пособие на ребенка, государственную помощь и даже пособие на погребение. В течение всего одного года национализация достигла, как выразились лейбористы, «командных высот» в экономике. Речь шла об Английском банке, угольной промышленности, железных дорогах, авиационных, железнодорожных и автомобильных перевозках, а позже о газовой промышленности, электроэнергетике и сталелитейной промышленности. В большинстве случаев изменения означали ни много ни мало выкуп государственным казначейством доли в тех промышленных предприятиях, которые еще во время войны работали в условиях государственного регулирования. Основными бенефициариями в данном случае становились держатели акций. Кроме того, согласно закону были созданы десять национальных парков, первые четыре располагались в Озерном краю, в Скалистом краю, в Сноудонии и Дартмуре.

В 1948 г. был принят закон Бивена о Национальной службе здравоохранения, согласно которому услуги общепрактикующего врача и больничное обслуживание становились бесплатными для всех граждан страны. Оппозицию со стороны представителей медицины удалось преодолеть, как сказал Бивен, только когда «я набил их рты золотом». Ожидалось, что благотворительные больницы и общественные медицинские учреждения, подобно школам, будут на содержании местных властей, но, частично из-за неприязни Бивена к Моррисону, поборнику местных интересов, кабинет министров сделал выбор в пользу централизованной системы здравоохранения. Бивен сказал: «Когда подкладное судно стукнется об пол в какой-нибудь больнице в Тредегаре, его должно быть слышно в Уайтхолле». Этот принцип лег в основу Национальной службы здравоохранения, которая по размерам превзошла Красную армию. Прошли те времена, когда «джентльмену с Уайтхолла» было «виднее». Проблема Национальной службы здравоохранения заключалась в том, что в последующие полстолетия этот самый джентльмен постоянно менял точку зрения.

Как только прошла послевоенная эйфория, Великобритания, казалось, просто выбилась из сил. Города были мрачными и унылыми. Небо над ними затянуто серым туманом, здания почернели от сажи, улицы зияли провалами руин от бомбежек. К военной разрухе добавилось недовольство солдат, которые, возвратившись с войны, обнаруживали лишь руины и пепелища, бум рождаемости и рост уровня преступности. В 1947 г. число разводов в десять раз превышало довоенные показатели. Словно желая сбежать от этого ужаса, не менее 50 000 британских женщин вышли замуж за американских военных. Только в одном рейсе за океан в феврале 1946 г. на борту трансатлантического лайнера «Куин Мэри» насчитывалось 344 невесты и 116 младенцев. Обратный приток в страну начался только в 1948 г., когда на борту трофейного транспорта «Эмпайр Уиндраш» прибыла первая партия из 492 человек с Ямайки в ответ на объявления о рабочих вакансиях в Лондоне.

Серость и монотонность усугублялись еще и тем, что в стране по-прежнему существовала карточная система, по карточкам начали продавать даже хлеб, чего не было во время войны. В каждой деревне был свой черный рынок, свой спекулянт, якобы имевший доступ к тайным запасам. Женщины истосковались по стильным нарядам. Коллекция

Диора Corolle, получившая мировую известность как New Look, которую в Париже показали в 1947 г., в Лондоне оставалась под запретом до 1949 г., когда отменили карточки на одежду. В стране катастрофически не хватало жилья. Тысячи семей, чьи дома были разрушены во время бомбежек, продолжали жить в общежитиях и приютах, даже в некоторых частях лондонского метро. Вместо того чтобы позволить частному сектору решить эту проблему, правительство предлагало временные блочные дома, которые производились на бывших авиационных заводах. Эти сборные дома оказались вдвое дороже, чем дома, традиционно возводившиеся в частном секторе. Программу вскоре отвергли, но некоторые такие дома стоят и сейчас, в начале XXI в., охраняемые и даже внесенные в списки исторических зданий.

Министры были скорее склонны поддаться на уговоры современных архитекторов, рвавшихся за пределы разрушенных городов и мечтавших возводить «небесные грады» в чистом поле. Закон о новых городах, принятый в 1946 г., предлагал построить в различных частях страны новые поселки, в том числе Кроули, Стивенидж, Реддич, Ранкорн и Питерли. В основу планов этих поселений легла довоенная концепция «города-сада». Намерения градостроителей были весьма благородны: обеспечить большой ассортимент домов для тех, кто, будучи горожанином, стремился избежать вынужденного чрезмерно компактного проживания в городском центре. Трудности и неудобства, связанные с переездом за пределы города, стали причиной появления «депрессии новых городов». Стивенидж называли Силкинградом в честь министра жилищного строительства Льюиса Силкина.

Зима 1946 г. добавила к бедствиям страны самые низкие температурные показатели за всю историю метеонаблюдений. Замерла работа в шахтах, фабрики закрылись из-за недостатка электроэнергии. Жителям приходилось стоять в очередях за хлебом и углем с угрюмой покорностью, напоминающей безысходную обреченность беженцев на континенте. В январе 1947 г. мясной рацион был урезан настолько, что оказался меньше норм военного времени. Для многих мирное время ничем не отличалось от военного, разве что не гибли люди. В 1947 г. давление наконец сказалось и на кабинете министров Эттли, который подвергся серьезным нападкам враждебной консервативной прессы и столкнулся сразу с двумя заговорами, целью которых была смена премьер-министра. Новым главой кабинета должен был стать Эрнест Бевин. Эттли спасло только то, что Бевин отказался сотрудничать с заговорщиками.

Вопрос о том, насколько экономика послевоенной Европы зависела от тех 13 миллиардов долларов, которые были выделены в 1947 г. по предложению американского госсекретаря Джорджа Маршалла в рамках Программы восстановления Европы, сегодня вызывает серьезные дискуссии. В течение первого года Британия получила 700 миллионов фунтов, но вся эта сумма пошла на поддержание обороноспособности, в значительной степени по настоянию самой Америки. Черчилль, ярый сторонник борьбы с коммунизмом, предупреждал всех, кто был готов его слушать, что «над континентом опустился железный занавес», отделяющий свободную Европу от Советского Союза и его социалистических сателлитов. В 1945 г. Великобритания присоединилась к Организации Объединенных Наций, которая стала правопреемницей распущенной Лиги Наций. В 1949 г. западные страны объединились в Организацию Североатлантического договора (НАТО), ставшую неприступным бастионом на пути советской экспансии и, как гласила броская фраза того времени, созданную, «чтобы сдерживать Германию, привлекать Америку и не пускать Россию». Великобритания стремительно теряла позиции мировой державы. По совету последнего вице-короля Индии, лорда Маунтбеттена, в 1947 г. кабинет министров постановил, что Великобритании следует предоставить Индии государственную независимость. В результате произошло стремительное разделение страны на Индию и Пакистан, которое сопровождалось кровавой резней на религиозной почве. В 1948 г. Великобритания отказалась от мандата, которым ее наделила еще Лига Наций, и вывела свои силы из разделенной теперь на две части Палестины. Этот шаг тоже вылился в военное противостояние. Подтекст был вполне очевиден. Отныне под влиянием Америки

Великобритания меняла свои приоритеты во внешней политике, перейдя от сохранения империи к сдерживанию коммунизма.

В феврале 1950 г. лейбористам удалось победить на парламентских выборах с минимальным перевесом голосов. 25 июня того же года коммунистическая Северная Корея напала на Южную, развязав таким образом первый из серии конфликтов, позже получивших название «холодная война». Великобритания по-прежнему тратила на оборону больше, чем когда-либо в мирное время. Чтобы оплатить пребывание контингента британских вооруженных сил в Корее, правительство повысило плату за медицинское обслуживание. Это привело к выходу из правительства в знак протеста Бивена и ряда других представителей левого крыла лейбористов. Призванных на военную службу молодых людей, которые думали, что им не придется воевать, неожиданно погрузили на корабли и отправили на Дальний Восток для участия в нелепой войне, к которой привело разделение Кореи на две части. Именно опыт Корейской войны двумя десятилетиями позднее удержал Великобританию от участия во Вьетнамской войне.

Лебединой песней лейбористского правительства стал необычный «тоник для нации» – Фестиваль Британии к столетию Всемирной выставки 1851 г. в Саут-бэнке, на южном берегу Темзы. Павильон «Купол открытый» для выставки «Фестиваль Британии» и павильоны достижений промышленности были задуманы как яркий модернистский вызов мрачному серому прошлому. Несмотря на непрекращающиеся дожди, тот летний фестиваль, по общему мнению, прошел с большим успехом. На следующих выборах осенью того же года партия консерваторов получила парламентское большинство, и 76-летний Черчилль вернулся к власти. Первым же указом Черчилль распорядился снести все павильоны, кроме Королевского фестивального зала. Девизом нового правительства стал лозунг «долой регулирование», обозначивший стремление освободить народ от послевоенной лейбористской регламентации и бюрократии. При этом консерваторы не стали отказываться от общества всеобщего благоденствия или от национализации. На том этапе послевоенная политика консенсуса, которой придерживались политики минувшего полувека, оставалась в силе. Она получила название «батскеллизма» (от сложения фамилий двух политических деятелей того периода, лейбориста Хью Гейтскелла и консерватора Раба Батлера).

В 1950-х гг. Великобритания прилагала усилия к тому, чтобы оставаться ведущей мировой державой. Дети читали в журналах о том, «как мы победили в войне», и рассматривали карты, на которых красным имперским цветом была раскрашена значительная часть мира. В 1952 г. Великобритания запустила в эксплуатацию «Комету», первый пассажирский реактивный самолет, первой в Западной Европе провела испытания атомной бомбы. 29 мая 1953 г., за четыре дня до коронации новой королевы, Елизаветы II, Джомолунгму покорила международная экспедиция, которой руководил сэр Джон Хант. Эти два события вызвали небывалое воодушевление среди населения страны. Коронация была первым национальным событием, которое транслировалось по телевидению, – великолепно, пышное зрелище, вызвавшее необычайный ажиотаж, сравнимый, пожалуй, только с коронацией Виктории.

Но не успела новая королева взойти на престол, как ее империя начала рушиться. Британские войска столкнулись с восстаниями в колониальной Кении и на Кипре. В 1957 г. была предоставлена независимость Гане. В 1956 г. преемник Черчилля на посту премьер-министра Энтони Иден снова вернулся к имперским принципам в международной политике. В ответ на национализацию Суэцкого канала правительством Египта Иден отдал приказ о начале полномасштабного военного вторжения, в котором кроме британских войск принимали участие Франция и Израиль. Войска коалиции высадились в Порт-Саиде и попытались оккупировать зону канала. Но Вашингтон, желая сохранить хорошие отношения с президентом Египта Насером, оказывал серьезное давление на британское правительство – была даже озвучена необычная для союзника угроза применить экономические санкции против Британии и прекратить поставки нефти. Столкнувшись с

резким падением курса фунта, Иден капитулировал и приказал войскам отступить. И, хотя националистически настроенные британцы одобряли борьбу за Суэцкий канал, результат военного конфликта был для Великобритании унизителен. Этот провал окончательно доказал, что со статусом Британии как ведущей мировой державы покончено. Теперь всем заправлял Вашингтон.

Вскоре после Суэцкого кризиса Иден подал в отставку. Ему на смену пришел Гарольд Макмиллан, еще один представитель политиков старой формации, переживший Первую мировую войну и получивший в политических кругах ироническое прозвище Супермак. Партия консерваторов вернулась к традиционной осмотрительности, даже отстраненности на международной арене. В 1957 г. Великобритания отказалась подписывать Римский договор о создании Общего рынка для основных стран послевоенной Европы. По мнению Макмиллана, Великобритания должна была оставаться независимой ядерной державой, что предполагало ее место среди ведущих мировых держав. В 1958 г. противники ядерного оружия объединились в Кампанию за ядерное разоружение. Они организовали марш из Ольдермастона, где расположен научно-исследовательский центр по разработке ядерного оружия, в Лондон. Со следующего года Ольдермастонские походы стали традиционным весенним маршем британских сторонников мира. Изменения происходили и в высшем свете. Так, в том же году королева отменила ежегодное представление ко двору дебютанток.

На выборах 1959 г. правительство Макмиллана удерживает власть. Его переизбирает население, которому, как утверждал Макмиллан двумя годами раньше, «так хорошо еще не бывало!». Но вскоре страну охватила неуверенность. В 1962 г. американский политик Дин Ачесон заметил: «Великобритания потеряла империю, но еще не нашла свою роль». Подразумевалось, что Великобритания по-прежнему сторонилась Европы, отделяла себя от остальных стран континента. В том же году впервые вступило в силу ограничение на въезд в страну цветных иммигрантов из стран Содружества. В районах компактного проживания иммигрантов отмечаются межрасовые конфликты, в частности в 1958 г. вспыхнули беспорядки на расовой почве в лондонском районе Ноттинг-Хилл. Огромное количество иммигрантов работало в текстильной промышленности, в здравоохранении и на транспорте. Но было принято решение, что с этой имперской практикой использования труда жителей колоний нужно покончить. Министр внутренних дел Р. А. Батлер отметил, что «на данный момент значительная часть всего населения Земли имеет законное право приехать и поселиться в этой и без того густонаселенной стране». Закон об иммиграции из стран Содружества от 1962 г. негативно отразился на репутации Великобритании как либерального государства и при этом имел весьма незначительный долгосрочный эффект. Так, процент населения Великобритании, родившегося за пределами Британских островов, вырос с 5 % в 1962 г. до 10 % к концу столетия.

К началу 1960-х гг. консерваторы, как многие партии, давно находящиеся у власти, стали терять доверие и популярность в обществе. В 1963 г. они решили в конце концов вступить в Общий рынок, но французский президент Шарль де Голль наложил вето на решение о принятии Великобритании. В 1967 г. он снова сказал свое веское «нет». Правительство Макмиллана оказалось втянуто в крупный скандал, связанный со шпионажем и безнравственностью высокопоставленных чиновников. Так, стало известно, что военный министр Джон Профьюмо делил услуги девушки по вызову с русским военным атташе. Это разоблачение было неожиданным подарком для новых британских сатириков, чьи работы напоминали безжалостные карикатуры Джеймса Гилрея и Джорджа Крукшенка эпохи Регентства. В 1961 г. стал выходить сатирический журнал *Private Eye* («Частный сыщик»), а в 1962 г. появилось часто довольно жестокое телевизионное шоу *That Was the Week that Was* («Такой была прошедшая неделя»). Они знаменовали собой начало конца более степенного юмора *Punch*.

Новый лидер лейбористов Гарольд Вильсон быстро воспользовался настроениями «свингующих шестидесятых». Он призывал свою партию использовать «неистовство»

технического прогресса и снова дать возможность правительству планировать экономику, чтобы провести модернизацию и реконструкцию промышленности страны. На выборах 1964 г. он добился победы с трудом, лишь благодаря обаянию новизны, как в свое время либералы в 1906 и лейбористы в 1945 г. Вильсон был решительным модернистом. Правительство внесло поправки в закон Батлера о селективном образовании и уделяло особое внимание развитию сети общеобразовательных школ. Оно также взяло под свой контроль основные программы социальных реформ, которые рьяно отстаивал либеральный министр внутренних дел Рой Дженкинс. Эти программы включали отмену смертной казни, либерализацию законов о разводах, абортах и гомосексуализме. В 1970 г. правительство представило закон о равной оплате труда, который предусматривал, что за одинаковый объем работ мужчины и женщины должны получать равную плату. Таким образом, началась длительная кампания по устранению социального неравенства. Правительство даже отменило давнее право лорда-гофмейстера подвергать цензуре театры. Весьма сомнительным результатом отмены цензуры стало стремительное неоправданное возрастание сквернословия на сцене и чрезмерная демонстрация наготы в лондонском мюзикле «Волосы» (Hair). Британская мода и популярная музыка завоевали огромное влияние во всем мире, хотя Вильсона высмеивали за то, что в 1965 г. на волне битломании он наградил членов поп-группы орденами Британской империи.

Надежды лейбористского правительства на то, что более тщательное экономическое планирование поможет модернизировать неконкурентную британскую промышленность, не оправдались. Власти потерпели поражение в двух ключевых моментах: им не удалось реформировать денежный рынок Сити и обеспечить гибкость трудовых отношений путем реформирования профсоюзов. У лейбористов были связаны руки, ведь они нуждались в деньгах профсоюзов и в их голосах на выборах. В 1967 г. Вильсону, чтобы защитить внешний платежный баланс Великобритании, пришлось прибегнуть к девальвации фунта. «Не важно, что фунт в вашем кармане подешевел», – отчаянно взывал премьер. Но девальвация деморализовала правительство. Целое десятилетие в экономической политике страны царили пассивность и пораженческие настроения.

Традиционный источник проблем Англии, Ирландия, оставалась незаживающей раной. В 1920-х гг. разделение страны привело к установлению в Ольстере правления протестантского большинства. В 1968 г. на смену католическому движению за гражданские права пришла ИРА (Ирландская республиканская армия), которая, по сути, развязала слабоинтенсивную войну против британской армии, войну, которая в той или иной мере продолжалась почти двадцать лет. К 1970 г. Северная Ирландия полностью погрузилась в вооруженный хаос. Кроме того, ИРА устраивала террористические акты уже на улицах Лондона. И сколько бы правительство ни старалось, оно, как и во времена Кромвеля, Вильгельма Оранского или Ллойд Джорджа, не могло найти выход из этой ирландской трясины. Властям предстояло искать этот выход еще долгих тридцать лет.

Кое-кто полагал, что перед Великобританией стоит иная угроза. В 1960-х гг. лейбористское правительство постепенно оставило старые имперские базы к востоку от Суэца, включая Малайю, Сингапур и, наконец, в 1967 г. Аден. Этот уход, казалось, ознаменовал конец влиянию Великобритании как мировой державы. Но от империи не так просто было избавиться. В 1968 г. правительство решило, что страна должна принять 50 000 членов семей существующих иммигрантов из Британского Содружества наций, которые прибыли в страну еще до ограничений 1962 г., хотя по результатам опроса общественного мнения 74 % респондентов высказались категорически против. Страстный оратор из партии консерваторов, Энох Пауэлл назвал это решение «безумием, совершенным безумием». «Как римлянин, я вижу Тибр, «что от пролитой пенится крови»[50]», – пророчил он. Эта демагогия в сочетании с яростным сопротивлением вступлению в Общий рынок переполнила чашу терпения его однопартийцев. Его исключение из партии неожиданно сблизило Пауэлла с воинствующими ольстерскими протестантами.

В 1970 г. консерваторы вернулись к власти под руководством пессимистичного бывшего главного парламентского партийного организатора Эдварда Хита. Экономическая политика стала теперь основной темой британской политики, в частности баланс власти между правительством и организованными трудящимися. Деятельность правительства Хита ознаменовала конец политики послевоенного консенсуса. Премьер объявил, что освободит рынки и ослабит контроль государства над коммунальным и частным секторами экономики, активно при этом побуждая к «холодному душу» вступления Великобритании в Европейское экономическое сообщество. В 1973 г. Великобритания была наконец принята в ЕЭС, что возобновило в стране дебаты об особых и непростых взаимоотношениях британцев с Европой, восходящих еще к временам Столетней войны. Правительство Хита, казалось, преследовали неудачи. Казначейству пришлось претворять в жизнь весьма непопулярное решение прежнего правительства о переводе денег в десятичную систему, отказавшись от столь любимой, но неудобной старой системы (12 пенсов в шиллинге и 20 шиллингов в фунте). Марш в защиту гражданских прав в Лондондерри был подавлен английскими парашютно-десантными войсками, открывшими огонь по безоружным католикам, что привело к гибели 13 человек, – этот день получил название «Кровавое воскресенье». Взлетевшие мировые цены на нефть спровоцировали виток инфляции и привели к яростным сражениям с профсоюзами. Хит был вынужден совершить поворот на 180 градусов, чтобы спасти компанию Rolls-Royce и других «хромых уток» – предприятия, оказавшиеся под угрозой банкротства, и тут его добила забастовка шахтеров.

Кабинет отреагировал в традиционном стиле, как все правительства на протяжении столетия. Столкнувшись с проблемами, он предпочел усилить контроль. В бюджетной сфере и в частном секторе экономики вводилась предусмотренная законодательством сложная политика регулирования доходов, подрывающая лозунги Хита о свободных рыночных отношениях и ведущая к дальнейшей дестабилизации обстановки, что особо сказалось на энергоснабжении. В декабре 1973 г. в стране вновь создалась ситуация, которую многие помнили со времен войны: трехдневная рабочая неделя в промышленности, длинные очереди на заправочных станциях, селективное отключение электроэнергии. Лондонские водители, которые испытывали весьма необычные ощущения, проезжая попеременно то по сверкающим огнями улицам, то в кромешной темноте, с иронией отмечали, что транспортный поток двигался гораздо свободнее на темных участках. В отчаянии горнякам повысили заработную плату на 35 %, обеспечив тем самым в последующие десять лет сокращение шахт почти в два раза.

В 1970-х гг. Британия окончательно лишилась уверенности в своих силах. Когда-то всемогущее правительство утратило способность управлять государством. Шрамы войны уже исчезли с городских улиц, но здания, которые возводились на месте прежних руин, едва ли были более привлекательными. Современная архитектура демонстрировала полное отсутствие чувства стиля. Обширные расчистки большей части центра Бирмингема, Манчестера и Ливерпуля лишили эти города привычных узнаваемых зданий, на смену им пришел мрачный городской пейзаж из бетона и асфальта. Так называемый «новый брутализм» домов-башен, торговых центров и стандартных многоквартирных домов выглядел мрачно и однообразно. Лондон едва удалось спасти от строительства «клетки» пересекающихся магистралей, которые проходили бы прямо через центр города – к северу от Риджентс-парка, – и от сноса значительной части Уайтхолла. Пока во многих городах Западной Европы, серьезно пострадавших во время войны, педантично восстанавливали городские центры в довоенном виде, английские архитекторы были скорее склонны подражать модернизму стран социалистического блока, где предпочитали расчищать развалины до основания и строить на их месте совершенно новые здания.

В феврале 1974 г. подавленный Хит объявил о досрочных выборах, вопрошая: «Кто станет управлять Британией?» После ожесточенных предвыборных дебатов электорат однозначно ответил: «Не вы». Лейбористское правительство возвращалось в тот год дважды, сначала с так называемым «подвешенным парламентом» (лейбористы победили,

но не получили большинства в палате общин), а второй раз – с минимальным большинством. Однако они не могли предложить ничего нового, кроме повышения максимальной ставки подоходного налога до 83 % плюс 15 % на дивиденды – самая высокая ставка в послевоенный период. Экономическая ситуация в стране была откровенно критической. Правительство расходовало почти половину национального продукта. Инфляция составила 30 % при одновременном застое в экономике – феномен, известный как стагфляция. Какой бы ни была политика консенсуса, которой страна придерживалась начиная с 1945 г., у экономики просто не было средств ее оплачивать. Зарубежные комментаторы говорили о «чисто британском заболевании» и называли страну «европейским больным». В 1976 г. Вильсон передал свои полномочия на Даунинг-стрит, 10, своему старому коллеге по партии, полному энтузиазма Джеймсу Каллагану. Это единственный политик, который за свою карьеру занимал посты министра внутренних дел, министра иностранных дел, министра финансов и премьер-министра. «Когда я бреюсь по утрам, – мрачно сказал он как-то Вильсону, – то говорю себе, что, будь я моложе, эмигрировал бы». Правда, он добавил, что не знает куда.

Хотя нефть на дне и шельфах Северного моря добывали с 1975 г., прибыль от ее продажи была недостаточно велика, чтобы вывести казначейство из бедственного положения. В 1976 г. министр финансов Дэнис Хили был вынужден обратиться в Международный валютный фонд с просьбой о предоставлении 2,3 миллиарда фунтов займа для выхода из экономического кризиса. Чтобы вернуть эти деньги, ему пришлось сократить запланированные государственные расходы на 3 миллиарда фунтов. Каллаган и сам кардинальным образом пересмотрел свои взгляды на производственную дисциплину. Он был просто в ужасе от поведения своих старинных соратников, профсоюзов. «Что вы скажете по поводу этого чудовищного акта – прекращения работы в детских больницах без предварительного уведомления?» – вопрошал он свой кабинет министров. Он предостерегал делегатов партийной конференции 1976 г. от излюбленного приема 1940-х гг., «когда всеобщую занятость можно было обеспечить одним лишь росчерком пера министра финансов... Я со всей ответственностью заявляю вам, такого варианта больше не существует». Давний оптимизм корпоративного государства XX в. от административно-командной экономики Эттли до планового режима Вильсона уже не способен был решать вопросы, которые стояли перед страной. Именно денежно-кредитный кризис 1976 г., а не наступление эпохи тэтчеризма, ознаменовал собой конец послевоенной политики консенсуса. Правительство могло издавать законы о социальном обеспечении, но не в его силах было заставить экономику платить за него. Экономика – это не армия.

Но Каллаган говорил с глухими. Его не слышали. Как и Хита, его загнал в угол всплеск активности профсоюзов, который спровоцировал беспрецедентный рост бюджетной сферы, насчитывавшей уже 12 миллионов членов тред-юнионов. Но как политическая сила профсоюзы бились в предсмертной агонии. Связанная с многочисленными забастовками «зима недовольства» [51] 1978/79 г. чуть не закончилась всеобщей забастовкой работников госсектора. Замерзшие мусорные кучи на улицах, невероятные сообщения о телах усопших, которые никто не хоронит... Говорят, в какой-то момент премьер-министр сказал руководителям тред-юнионов: «Мы перед вами в невыгодном положении». В марте 1979 г. Каллаган утратил свое хрупкое большинство, проявив непростительную неуверенность, когда шотландские парламентарии восстали против его отказа предоставить им ограниченную автономию. Журнал *The Economist* поместил на обложке его портрет во всех шотландских, уэльских и ирландских регалиях. Премьер изо всех сил старался удержаться у власти, но оказался еще одним английским правителем, которого погубила «кельтская окраина». Его истинным врагом стала утрата обществом веры в способность правительства руководить государственным аппаратом, созданным за последние полстолетия.

Четырьмя годами ранее, в 1975 г., сложный и запутанный процесс выбора руководства Консервативной партией принес весьма неожиданный результат: преемником Хита стала

41-летняя Маргарет Тэтчер. Дочь бакалейщика из Грэнтема, получившая образование в Оксфорде, она никогда не была бедной девочкой из бесплатной средней школы, жестоко страдавшей от мужского шовинизма, какой она пыталась себя представить. Напротив, Тэтчер быстро поднялась вверх, опираясь на поддержку партии, готовой выдвигать талантливых женщин. Занимая пост министра образования в правительстве Хита, Тэтчер была свидетелем постыдных метаний в политике кабинета. Тэтчер была убеждена, что такое никогда не должно повториться. Говоря о социализме, она заметила: «Ни одна форма правления не подвергалась более тщательной проверке и не проходила столь долгого исследования. Это полный провал». Тэтчер всегда повторяла строчку Киплинга: «Мы получили урок, а впрок ли нам он пойдет?»[52] 3 мая 1979 г. народ Великобритании впервые избрал премьер-министром женщину. Ей и предстояло проверить пророчество Киплинга.